

Глава первая. Приоритеты и перспективы

Несколько лет назад выдающийся биолог Эрнст Мэйр опубликовал свои размышления о вероятности обнаружения внеземного разума^{1}. Он оценил такие шансы как крайне малые. Его аргументация развивалась вокруг понимания способностей к адаптации — того, что мы называем «высшим разумом». Сам автор обозначил «высший разум» как определенную форму организации интеллекта человека. Мэйр установил, что с момента зарождения жизни на Земле, около пятидесяти миллиардов лет назад, из всего многообразия биологических видов только один смог достигнуть достаточного для создания цивилизации уровня интеллекта. Это случилось довольно недавно, всего каких-то сто тысяч лет назад. По общему мнению, выжила только одна группа особей, потомками которой мы все являемся.

Мэйр предположил, что в условиях естественного отбора интеллектуальная организация человека вовсе не является наиболее конкурентоспособной. Весь ход развития жизни на Земле служит опровержению тезиса, что «лучше быть разумным, чем глупым». По крайней мере, судя по критерию биологической выживаемости, можно констатировать, что жуки и бактерии намного превзошли человека. Мэйр также пришел к довольно мрачному выводу о средней продолжительности жизни отдельного вида, заключив, что она «составляет около ста тысяч лет».

Грядет этап развития человечества, когда мы будем в состоянии ответить на вопрос: лучше быть разумным или глупым? Наиболее обнадеживающая перспектива видится в том, что ответ на данный вопрос не будет найден. В противном случае мы можем столкнуться с очевидным фактом: человеческий род был в некотором смысле «биологической ошибкой». Он тратит предназначенные ему сто тысяч лет на самоуничтожение и постепенно убивает все живое.

Несомненно, данный вид в совершенстве овладел только этими навыками. В такой ситуации воображаемый наблюдатель с другой планеты может справедливо заключить, что человеческий род на протяжении всей своей истории, в особенности в течение последних нескольких сотен лет, проявлял лишь данное свое умение. При этом он наносил значительный урон окружающей среде, истреблял популяции более сложных организмов, расчетливо и хладнокровно уничтожал себе подобных.

ДВЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Начало 2003 года преподнесло множество очевидных подтверждений угрозы человеческому выживанию. Ранней осенью 2002 года было установлено, что наиболее вероятная ядерная катастрофа была чудом предотвращена сорок лет назад. Сразу же после этого ошеломляющего открытия администрация президента США Дж. Буша-младшего заблокировала инициативы ООН по введению запрета на использование и размещение ядерного оружия в космическом пространстве. Не знаю, как у вас, а у меня пошатнулась уверенность в собственной безопасности. Правительством США были свернуты международные переговоры, направленные на предотвращение военных действий с применением биологического оружия. Соединенные Штаты обосновывали неизбежность вторжения в Ирак, несмотря на беспрецедентные по своей силе протесты со стороны общественности.

Благотворительные и авторитетные медицинские организации, имеющие обширный опыт работы в Ираке, предупреждали, что намеренное вторжение может привести к гуманитарной катастрофе. Данные предостережения были проигнорированы Вашингтоном и не вызвали должного интереса СМИ. Специальная экспертная рабочая группа правительства США пришла к заключению о возможности террористических атак с применением оружия массового поражения на территории страны и пояснила, что вероятность проведения таких акций возрастает с приближением войны в Ираке. Ряд специалистов и представителей разведывательных служб выступили с подобными предупреждениями, подчеркнув, что воинственный настрой Вашингтона усиливает международную террористическую опасность и грозит распространением оружия массового поражения. Данные предупреждения также остались без внимания.

В сентябре 2002 года администрация Буша официально представила свою новую Стратегию национальной безопасности, в соответствии с которой США провозглашали свое право применять военную силу против любого вызова их незыблемой мировой гегемонии. Новая генеральная стратегия, предусматривающая нанесение по врагам превентивных ударов, вызвала волну негодования во всем мире и критику у некоторых представителей американской внешнеполитической элиты. В сентябре того же года была запущена пропагандистская кампания, направленная на формирование образа Саддама Хусейна как наиболее грозного врага США.

Ее целью было внедрение в общественное сознание мысли о том, что именно Хусейн несет ответственность за атаки 11 сентября 2001 года и планирует проведение в ближайшее время подобных акций. Старт этой кампании был приурочен к началу выборов в Конгресс США, и она явилась эффективной мерой идеологического воздействия на формирование предпочтений американцев. В целом кампания способствовала тому, что произошел позитивный сдвиг в общественном мнении американцев в сравнении с осуждающей позицией международного сообщества. Она также содействовала достижению предвыборных задач Правительства США и созданию необходимых условий для использования Ирака в качестве полигона для испытаний провозглашенной доктрины.

Президент Буш и его окружение непреклонны в своем стремлении дезавуировать попытки международного сообщества снизить риски для окружающей среды, представляющие все большую опасность. При этом используются предлоги, которые скрывают внутреннее

желание правительства США ограничить влияние частного сектора. По словам редактора американского журнала «Наука» Дональда Кеннеди, правительственная Программа научного изучения климатических изменений является не более чем пародией на серьезную деятельность.

«Программа не предлагает никаких рекомендаций по сокращению вредных выбросов в атмосферу или уменьшению негативного воздействия на окружающую среду». Ее разработчики довольствуются «произвольным определением темпа снижения вредных выбросов, при котором, впрочем, суммарный объем выбросов США будет продолжать увеличиваться примерно на 14 процентов в течение десяти лет», — считает Дональд Кеннеди. «Отказываясь принимать во внимание ряд все более очевидных свидетельств надвигающейся угрозы», специалисты, работающие над программой, даже не потрудились проанализировать вероятность «внезапного стихийного процесса», который может возникнуть в результате краткосрочного потепления. Его следствием станет существенное колебание температуры, что чревато серьезной угрозой для США, Европы и других стран, находящихся в зоне умеренного климата. «Пренебрежение Администрации Буша возможностью многостороннего участия в решении проблем глобального потепления, — продолжает Кеннеди, — свидетельствует о позиции, ставшей отправной точкой в длительном процессе размывания дружеских отношений с Европой, который привел к „тлеющему взаимному разочарованию“»{2}.

К октябрю 2002 года стало очевидно, что мир больше волнует неудержимое стремление США применить военную силу, нежели угроза, исходящая от Саддама Хусейна. В сложившейся обстановке международное сообщество оказалось заинтересовано и в «обуздании США как мирового гиганта», и «в лишении деспота Саддама его оружия»{3}. Опасения мирового сообщества усиливались в течение месяцев, последовавших за решением «гиганта» осуществить вторжение в Ирак. Принятие такого решения не зависело от того, смогут международные инспекторы ООН обнаружить наличие в стране оружия массового поражения, столь необходимого для обоснования целесообразности американской затеи, или нет. К декабрю, согласно международным опросам общественного мнения, лишь 10 процентов опрошенных за пределами США поддерживали такие действия. По прошествии двух месяцев, в течение которых были проведены широкомасштабные акции протеста, в прессе было опубликовано следующее высказывание: «На планете осталось всего две сверхдержавы — США и международное общественное мнение» («США» в данном случае выражает государственную власть, а не мнение общества или элиты){4}.

К началу 2003 года в некоторых исследованиях отмечалось значительное усиление чувства страха перед этой страной и недоверия к ее политическому руководству. Политики США под видом служения и искренней приверженности правам человека, соблюдению демократических принципов на практике выказали полное, не имеющее исторических аналогий по степени своего цинизма, пренебрежение как к первому, так и ко второму. В связи с этим те, кто всерьез задумывается о судьбе последующих поколений, вероятно, ощутили сильнейшую озабоченность по поводу нового порядка вещей.

Несмотря на то что разработчики нового курса политики Джорджа Буша-младшего принадлежат к крайне традиционалистскому крылу американского политико-

идеологического спектра, их программы и доктрины основаны на идеях, уходящих своими корнями в историю США и отсылающих к опыту претендентов на мировое господство. Наибольшие в этой связи опасения вызывает то обстоятельство, что действия экспертов из окружения американского президента согласуются с доминирующей в США идеологической линией и выражающими ее общественными институтами. История изобилует примерами стремления политических лидеров использовать силу или устрашение перед лицом серьезной опасности и катастрофы. Однако в современном мире ставки в политической игре стали несоизмеримо более высокими. Проблема выбора между мировым господством и выживанием стоит остро, как никогда прежде.

Попробуем понять некоторые закономерности столь мозаичной картины современного мира, рассматривая конкретное государство, стремящееся стать гегемоном. Действия и совокупность принципов, которыми данная держава руководствуется, должны стать предметом пристального изучения для каждого человека, в особенности для представителей американской нации. Многие обладают особыми преимуществами и свободами, что дает возможность определять ход нашей жизни, — не стоит забывать об обязанностях, непосредственно проистекающих из привилегии обладания правами.

ВРАЖЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Тем, кто стремится привести свои обязательства в соответствие с принципами демократии, следует осознать потенциальные препятствия на этом пути. В тоталитарных государствах такие препятствия очевидны, в демократических обществах они нивелированы. Несмотря на различия в подходах (методах), тоталитарный и демократический режимы преследуют одну цель, которая состоит в обуздании «великого чудовища», — именно так называл народ Александр Гамильтон.

Установление контроля над массой населения всегда представляло важнейшую задачу для власти и аристократии, в особенности после первой демократической революции в Англии в XVII веке. Аристократы, которые сами называли себя «благородными мужами», пришли в ужас, когда «кучка легкомысленных тварей в человеческом обличье» отвергла всю систему основополагающих принципов гражданского конфликта, развернувшегося между королем и парламентом в Англии. Она выступила за формирование правительства «из числа своих соотечественников, которые понимают их нужды», а не из круга «аристократов и джентльменов, устанавливающих им законы. Их власть дана под страхом, и страхом же они управляют народом, чьих горестей не ведают». Благородные мужи обнаружили, что если народ настолько «испорчен и коррумпирован», что дарует власть слабым недостойным людям, то они скорее откажутся от власти в пользу меньшинства порядочных людей. Почти три века спустя данная позиция нашла свое отражение в общественных идеалистических взглядах В. Вильсона. Выходит, за пределами США Вашингтон стремится внедрить принцип правления «достойного меньшинства». Во внутренней политике необходимо поддерживать систему принятия политических решений элитой при одобрении общества. Данную систему можно скорее назвать «полиархией» — в терминологии политической науки — чем демократией {5}.

Будучи президентом, Вудро Вильсон зачастую прибегал к использованию репрессивных мер даже во внутренней политике США. Однако в обществах, достигших высокой степени свободы и прав в ходе длительного гражданского противоборства, такая тактика обычно не применима. К моменту избрания Вильсона президентом политические элиты США и Великобритании глубоко осознали, что принуждение в их обществах мало эффективно и что лучше разработать способ приручения «чудовища», воздействуя на общественное мнение и изменяя ценностные установки граждан. Воплощением в жизнь этих целей занимаются целые индустрии.

По мнению самого Вильсона, для поддержания «стабильности и правопорядка» власть должна быть отдана в руки представителей аристократической элиты, несущей в мир «возвышенные идеалы»{6}. Эту мысль разделяли ведущие общественно-политические мыслители. Уолтер Липман в своих передовых работах о демократии однажды высказал тезис о том, что «народ нужно поставить на место». Частично этого можно добиться через «систему выработки общественного консенсуса», «осознанную практику и постоянную организационную форму управления массами». Такой революционный подход к применению демократических принципов дает возможность «классу специалистов» удовлетворять «общественные потребности», которые «зачастую совершенно не совпадают с общественным мнением». По сути, это ленинский идеал. Липман изучал динамику революционных изменений общественной демократической практики непосредственно в качестве члена Комитета Вильсона по общественной информации. Данный Комитет был создан для координации проведения военной пропаганды и в своей деятельности достиг значительных успехов, стимулируя милитаристские устремления.

Липман считал, что «ответственные лица», принимающие основные политические решения, должны «быть свободны от рева и негодования оголтелого стада». Это невежественные и назойливые аутсайдеры должны быть «наблюдателями», а не «участниками» политического процесса. Это «стадо» не выполняет никакой политической функции: оно время от времени голосит на выборах в поддержку того или иного представителя правящего класса. Ответственные лица приобретают свой статус не благодаря наличию особого таланта или знания, но по факту сознательного подчинения существующей системе властных отношений и верности ее организационным принципам. Необходимо, чтобы ключевые общественные и экономические решения принимались в рамках институтов с иерархичным авторитарным контролем, в то время как участие пресловутого «чудовища» сводилось к ограниченной сфере общественной жизни.

Нет однозначного мнения относительно того, насколько эта сфера должна быть ограничена. Представители неолиберальной мысли последних 30 лет считали, что общественная жизнь должна быть предельно ограничена, при этом процесс принятия политических решений отдается на откуп неподотчетным местным олигархическим кланам, тесно связанным между собой и с властями ряда влиятельных штатов. Демократия может продолжать существование только в крайне урезанном виде. Сторонники курса Рейгана-Буша занимают крайне радикальные позиции в этом отношении, но поле их деятельности достаточно ограничено. Некоторые полагали, что политический спектр вообще отсутствует, высмеивая политологов, которые зарабатывают на жизнь сравнением показателей телерейтингов комедийных шоу на телеканалах Эн-би-си и Си-би-эс во время избирательной кампании.

«Посредством негласных договоренностей две главные партии превращают дебаты на выборах в президенты в политический театр кабуки, [в котором] исполнители знают свои роли и все следуют установленному сценарию». Даже если «они хорошо сыграют принципиальность», не стоит это воспринимать всерьез{7}.

Если общество перестает быть аполитичным, происходит «кризис демократии, который необходимо преодолевать через реформирование институтов, ответственных за „воспитание молодежи“, — школ, университетов, церквей и пр. Также посредством установления государственного контроля СМИ, если недостаточно самоцензуры»{8}.

Подобные взгляды восходят к авторитетным конституционным источникам. Дж. Мэдисон полагал, что власть необходимо отдавать в руки наиболее состоятельным (людям, которых можно назвать «солью нации»), наиболее успешным гражданам, которые понимают, что основной задачей правительства является «защита процветающего меньшинства от нападков большинства». Мировоззрение Мэдисона было докапиталистическим. Он верил, что просвещенный правитель и «благонамеренный мыслитель», призванные управлять, смогут «распознать ключевые интересы своей страны» и защитить их от вреда, наносимого им демократическим большинством. Мэдисон полагал, что можно избежать вреда посредством введения системы разделения властей, которую он сам и разработал. Позднее он с опасением заключал, что с увеличением числа тех, кто «готов работать при любых условиях, но в глубине души лелеет надежды о более справедливом распределении благ», могут возникнуть серьезные социальные потрясения. На протяжении современной истории важнейшую роль играли конфликты, «кто будет править и как».

Еще Дэвидом Юмом отмечалось, что контроль над общественным мнением лежит в основе правления, как самого деспотичного, так и наиболее либерального. Однако здесь необходимо внести дополнение. Очевидность данной закономерности гораздо более значима в либеральных обществах, где подчинения нельзя достичь с помощью жестких мер. Вполне естественно, что способы, контролирующие общественное сознание, — откровенно называемые пропагандой, до того как слово стало немодным из-за ассоциаций с тоталитарными методами правления, — появились в наиболее открытых сообществах. Первооткрывателем была Великобритания с ее Министерством информации, в обязанности которого вменялось направлять умы всего человечества.

Вслед за этим В. Вильсон создал Комитет по общественной информации. Успехи пропагандистской работы данного Комитета вдохновили к деятельности прогрессивных теоретиков демократии и заложили основу современной научной отрасли политического управления, занимающейся связями с общественностью. Ведущие сотрудники Комитета по общественной информации, такие как Уолтер Липман и Эдвард Бернэйз, основываясь на накопленном позитивном опыте манипуляций с общественным сознанием, дали четкую характеристику его деятельности. По словам Бернэйза, главной задачей Комитета была выработка технологии воспроизводства консенсуса, являющегося самой сутью демократического процесса. Термин «пропаганда» впервые появился в энциклопедии «Британника» в 1922 году, а десять лет спустя — в «Энциклопедии социальных наук», после научного подтверждения Гарольдом Лассуэллом новых методик овладения массовым сознанием. Исследователь истории пропаганды Рэндал Марлин писал, что методы

первопроходцев имели особую важность в силу их широкого распространения во всем мире: в нацистской Германии, Южной Африке, СССР и в Пентагоне США. Однако достижения пропагандистской машины в конечном счете приводили к стагнации этих режимов{9}.

Контролировать общественное мнение внутри страны становится особенно трудно, когда ее верхушка проводит откровенно непопулярные меры. В таком случае политическое руководство, вероятно, будет действовать по примеру администрации Р. Рейгана, которая образовала Министерство общественной дипломатии для достижения консенсуса в обществе на фоне проводимой США смертоносной политики в Центральной Америке. Один высокопоставленный чиновник американского правительства отзывался о деятельности «Операции правды»[1] как о «широкомасштабной системе мер, по своему характеру напоминающих военную тактику воздействия на гражданское население вражеской и нейтральной территорий». Это откровенное определение размытого представления о том, как воспринимается образ населения США{10}.

ТЕРРИТОРИЯ ВНЕШНЕГО ВРАГА

В то время как массированная пропаганда позволяет контролировать внутренних врагов, за границей становятся доступными прямые средства воздействия. Ключевые фигуры администрации президента Дж. Буша-младшего — выходцы из наиболее реакционных кругов окружения президентов Р. Рейгана и Дж. Буша-первого. Красноречивым подтверждением этому служит политика, проводимая ими на ранних этапах президентства. Когда представители церкви, наравне с другими критиками внешнеполитического курса США в Латинской Америке, высказались против ставшего привычным режима насилия и подавления, администрация Рейгана отреагировала началом кампании «Война с террором», которая была объявлена сразу же после избрания Рейгана президентом США в 1981 году. Неудивительно, что инициатива США переросла в войну с применением террористических методов — череду убийств, пыток и варварства — которая распространилась во многие другие регионы мира.

В Никарагуа правительство США в определенный момент утратило контроль над вооруженными силами, которые использовались для усмирения местного населения. Данная политика является горьким наследием идеалистических взглядов В. Вильсона. В результате свержения поддерживаемой правительством США диктатуры Сомосы, сандинистские повстанцы разоружили кровавую Национальную гвардию. Никарагуа стала жертвой международной террористической кампании, что привело к разрушительным последствиям для этой страны. Даже сам психологический эффект американской войны с применением террористических методов оказывает очень сильное воздействие. Ощущение неисчерпаемости жизненных сил и оптимизма, появившееся у никарагуанцев после свержения диктатуры, не могло быть долгим в условиях, когда действующая сверхдержава продолжала свое вторжение, разрушая надежды на светлое будущее.

В других странах Центральной Америки контроль поддерживался вооруженными формированиями, оснащенными и обученными США. В отсутствие сил самообороны, регулярной армии, способной защищать гражданское население от террористов, читай —

самых спецслужб, вспышки насилия стали более откровенными. Правозащитные организации, представители церкви, латиноамериканские деятели науки и многие другие все чаще сообщали об увеличении количества убийств и пыток. Однако эта информация не получила широкого распространения в США, чье правительство несло главную ответственность за сложившуюся ситуацию, и вскоре упоминания об этой теме свелись на нет{11}.

К середине 1980-х годов в результате террористических кампаний, организованных США, многие страны «оказались подвержены панике, коллективному запугиванию, в них царил всепроникающий страх», — отмечала ведущая церковная правозащитная организация Сальвадора. Население смирилось с каждодневной демонстрацией насилия и постоянными сценами убийств и пыток. По возвращении из кратковременного визита на родину, в Гватемалу, журналист Хулио Годой написал: складывается впечатление (может сложиться впечатление), что некоторые чиновники Белого дома поклоняются ацтекским богам и приносят им в жертву кровь народов Центральной Америки. Он был вынужден бежать из Гватемалы годом раньше, когда редакция газеты «Ла эпока», в которой он работал, была взорвана спецслужбами страны. Это происшествие не вызвало интереса США, слишком сильно занятых изучением злодеяний официального врага. Участие сверхдержавы в поддержке государственного террора в регионе несомненно, хотя и трудно найти прямые подтверждения этому. Правительство США, писал Годой, в Центральной Америке привело к власти и поддерживало силы, которые с легкостью могли бы тягаться с румынской тайной полицией «Секуритате» Николае Чаушеску за присуждение первого места в мире по уровню жестокости{12}.

После того как руководители террористических организаций достигли всех своих целей, в Сан-Сальвадоре прошла конференция членов ордена иезуитов. На ней обсуждались последствия террористической деятельности в регионе и была дана соответствующая оценка всем участникам этого процесса. Сами иезуиты располагали более чем достаточным опытом, помимо мрачных наблюдений на протяжении грозных 1980-х годов, для составления подобного рода заключений. Выводы конференции показали, что нельзя останавливаться исключительно на проблеме терроризма. Не менее важной является «попытка понять... насколько сильно укрепление в сознании людей образа террора способствует манипулированию ожиданиями большинства»{13}, уменьшая его способность выдвигать «альтернативы запросам мирового гегемона». Это важно не только для Центральной Америки, но также для всего остального мира.

Крайне необходимо лишить людей надежды. Если этого удастся достичь, утверждение формальной демократии становится возможно и даже предпочтительно, но только как средство пропаганды и пиара. Конечно же, данная закономерность осознается глубже всего «чудовищами в человеческом облики», как некогда классик окрестил простой народ, страдающий, потому что бросил вызов власти, которая пытается навести порядок.

Эта совокупность причин приводит к тому, что вторая мировая сверхдержава — международное общественное мнение — должна очень постараться, чтобы понять, может ли она преодолеть меры сдерживания, направленные против нее. Она должна начать всерьез относиться к таким ценностям, как свобода и справедливость, о которых слишком легко стало говорить, но гораздо труднее их отстаивать и проводить в жизнь.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 31 июля 2025 13:17:09

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 31 июля 2025 13:20:14